

КВАЗИУРБАНИЗАЦИЯ В СТАЛИНСКОЙ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ СИБИРИ: КОНЕЦ 1920-х – КОНЕЦ 1930-х гг.

В России XX столетия одним из самых значимых аспектов модернизационного процесса была урбанизация, оказавшая кардинальное воздействие на экономическое, политическое, демографическое и социокультурное развитие как страны в целом, так и ее отдельных регионов. Ускоренный рост численности городского населения, развернувшийся в СССР в полную силу во второй половине 1920-х гг. на основе форсированной индустриализации, был характерен, прежде всего, для восточных районов страны. В Сибири, особенно в Кузбассе, урбанизация была столь бурной, что вышла за рамки процесса, характерного для многих других районов нового промышленного освоения.

Специфика форсированной урбанизации Сибири оказалась столь существенной, что сегодня мы вправе говорить о ярко выраженном аномальном процессе, обусловленном не столько экономическими, но политическими факторами. Массовое бегство крестьян, выталкиваемых коллективизацией с насиженных мест в города, интенсифицировали процесс маргинализации городского населения. Вместе с тем, ускоренное развитие тяжелой индустрии на фоне очевидной ресурсной необеспеченности социальной сферы вызвало мощные диспропорции между численностью городского населения и развитием инфраструктуры городских поселений. В этом аспекте рассматриваемый процесс вполне может быть обозначен как «квазиурбанизация».

Цель настоящей работы — в первом приближении выявить динамику форсированной урбанизации (квазиурбанизации) на территории Сибири в 1920–1930-е гг., и определить, насколько это возможно в рамках ограниченной по объему статьи, некоторые социо-культурные последствия этого процесса. При этом мы имеем в виду, что проблема «квазиурбанизации» достаточно четко укладывается в схему незавершенной (консервативной) модернизации СССР, разработанной А.Г. Вишневым (*Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР М., 1998*).

Территориальные рамки статьи охватывают Западную (Республика Алтай, Алтайский край, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую и Тюменскую области) и Восточную Сибирь (Республики: Бурятия, Тыва, Хакасия, Красноярский край, Иркутская и Читинская области). Хронологические границы исследования определены по двум всесоюзным переписям населения 1926 и 1939 гг. Источниками послужили материалы всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 г., а также материалы текущего учета естественного и механического движения населения.

Процесс формирования и развития городского населения Сибири в первой половине 1920-х гг. было бы правильно характеризовать, как вяло текущий процесс урбанизации, развернувшаяся еще в XIX в связи с хозяйственным освоением Сибири и строительством транссибирской железнодорожной магистрали. Перепись населения 1926 г., (как показывают данные, сосредоточенные в таблице) (*Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984. С. 29*) зафиксировала, что на территории Сибири проживало 11,0 млн чел., из которых только 1,4 млн человек сосредоточивались в городских поселениях. Удельный вес городского населения в регионе, таким образом, составлял 12,8%. Для сравнения укажем, что доля городского населения по СССР в целом составляла 18% (*Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Стат. сборник. М., 1975. С. 14, 16*).

Динамика численности городского населения Сибири 1926–1939 гг. (включая Якутскую АССР)

Дата	Все население	Сельское население	Городское население	
			тыс. чел.	удельный вес, %
17 декабря 1926 г.	11 024,0	9 609,0	1 415,0	12,8
17 января 1939 г.	14 112,0	9 688,0	4 424,0	31,3
1939 г. в% к 1926 г.	128,0	100,8	312,7	—

Согласно нередко используемой в нашей стране шкале уровня урбанизированности, разработанной Э. Россетом (с поправками С.А. Польского), доля городского населения менее 20% свидетельствует об очень низком уровне урбанизированности, от 20 до 33% — о низком, от 33 до 50% — о среднем, от 50 до 66% — о высоком и 66% и выше — об очень высоком уровне урбанизированности (*Польский С.А. Урбанизация и условия жизни народонаселения СССР // Народонаселение СССР и мира: Развитие, проблемы, исследования. М., 1983. С. 146*). Из этого следует, что уровень урбанизированности Сибири в середине 1920-х гг. был адекватен уровню «очень низкий». Самыми крупными городскими поселениями Сибири являлись: Омск, наличное население которого в 1926 г. составляло всего 162 тыс. чел., Новосибирск — 120 тыс., Томск — 92 тыс., Иркутск — 99 тыс., Барнаул — 74 тыс., Красноярск — 72 тыс., Чита — 61,6 тыс. чел. (*Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VI. М., 1928. С. 8–10*).

Кардинальные сдвиги в численности городского населения Сибири, произошли только во второй половине—конце 1920-х гг. СССР вступил в стадию ускоренной индустриализации с ее астрономическими темпами роста. В сталинской стратегии индустриализации Сибири отводилось особое место. Ускоренное развитие тяжелой промышленности придали экономическому и социо-культурному развитию Сибири особый облик. Темпы роста численности городского населения региона в эти годы ха-

рактируются фантастическими, невиданными ранее величинами. Сибирь в 1930-е гг. переживала своего рода урбанистический взрыв.

Население Новосибирска за 1926–1939 г. выросло более чем в 3 раза, Омска почти в 2, Иркутска и Красноярска — почти в 3 раза (*Московский А.С., Исупов В.А. Указ. соч. С. 145*). Но нигде в стране не было зафиксировано таких бурных темпов роста городского населения, как в Кузбассе. Здесь в указанные годы численность городского населения увеличилась сразу в 7,5 раз (*Население СССР (численность, состав и движение населения... С. 16)*). Сталинск (ныне Новокузнецк) увеличил свое население в 45 раз, Кемерово — в 6, Прокопьевск — в 10, Ленинск-Кузнецкий — в 4 раза (*Московский А.С., Исупов В.А. Указ. соч. С. 145*). Уровень урбанизированности сибирского региона в 1939 г. повысился до 31%.

Обеспечить столь фантастический рост городского населения только за счет внутренних ресурсов сибирских городов было невозможно в принципе. К тому же начиная с конца 1920-х гг. естественный прирост городского населения быстро сокращался. В основе лежало снижение рождаемости и увеличение смертности в связи с ухудшением условий существования. Таким образом, важнейшим и необходимым элементом форсированной урбанизации стали крупномасштабные миграции. Перемещения сельского населения в города и рабочие поселки в основном обеспечивались коллективизацией, проводившейся насильственными методами. Крестьяне сотнями тысяч выталкивались из деревни. Немаловажную роль играли насильственные депортации так называемых «кулаков». Сибирь превратилась в центр крестьянской ссылки. Без такого рода подпитки, форсированная урбанизация была бы невозможна. Миграции, хаотичные по форме, приняли огромные размеры. В 1926–1939 гг. на долю механического прироста во всем приросте городского населения Сибири приходилось свыше 72%, тогда как удельный вес естественного прироста составлял всего 13% (*Там же. С. 57*).

Соответственно, основной социальной группой, за счет которой формировалось городское население Сибири в 1930-е гг. являлось сибирское крестьянство. Так, согласно материалам локальной переписи городского населения Кузбасса, организованной в январе 1931 г., среди новоселов, проживавших в городских населенных пунктах региона менее 3-х месяцев, на долю выходцев из Сибирского края приходилось почти 83%. Три четверти из них до момента миграции проживали в деревне (*Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. Новосибирск, 1931. С. XVIII*). Согласно данным, основанным на регистрации прописки-выписки, в города Сибири в 1933–1937 гг. вселилось около 4,5 млн чел., из которых 2,7 млн являлись выходцами из деревни (*Московский А.С., Исупов В.А. Указ. соч. С. 66*).

Форсированная и, по сути, бессистемная урбанизация влекла за собой большое количество не только экономических, но, прежде всего

социо-культурных проблем. В сущности, говорить об урбанизации Сибири в полном смысле этого слова не приходится. Численность городского населения действительно росла очень бурно, но городов не по названию, а по сути, в регионе по-прежнему было очень мало. Те населенные пункты, которые сумбурно формировались вокруг градообразующего промышленного ядра — крупного завода, шахты или строительства городами можно назвать только с большой долей условности. Чаще всего они являли собой бесформенный конгломерат поселков, состоящих из общежитий, бараков, землянок, в лучшем случае из скромных деревянных домиков пониженной комфортности. Основная масса ресурсов вкладывалась в промышленное строительство. Жилищно-коммунальное хозяйство, транспортная система, культурно-бытовая сфера, здравоохранение, словом вся та социальная инфраструктура, которая и превращает населенный пункт в город как таковой, находилась в зачаточном состоянии. В этом отношении очень точно отражает сложившуюся ситуацию докладная записка, направленная в конце 1939 г. секретарем Кемеровского горкома ВКП(б) Сифуровым в Новосибирский обком. В документе специально подчеркивалось: «ГК ВКП(б) отмечает недопустимую диспропорцию между освоением капиталовложений по промышленному строительству и культурно-бытовому строительству. За последние годы в Кемерово построены и пущены в ряд предприятий..., но города по существу не построено...» (курсив мой. — В. И.). Имеющиеся ресурсы позволяют осваивать, причем явно неудовлетворительно только программу промышленного строительства» (ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 19. Л. 18–19).

Итак, города Сибири (за некоторым исключением) не являлись городами в полном смысле этого слова. Но их нельзя отнести и к сельским населенным пунктам, так как большинство их жителей были заняты в несельскохозяйственной сфере труда. В результате, к концу 1930-х гг. в Сибири сформировалась сеть маргинализованных населенных пунктов, условно отнесенных статистикой тех лет к городам и рабочим поселкам. Основным критерием такого рода классификации являлся не весь комплекс признаков, превращавших село в город, но главным образом численность населения. Эти маргинализованные населенные пункты были заселены маргиналами — бывшими сибирскими крестьянами, оторвавшимися от своих корней, но еще не ставшими горожанами по своей ментальности, образу жизни, социальным ориентациям и целевым установкам. Как видим, маргинализованным населенным пунктам вполне соответствовало маргинализованным население.

С учетом этого, было бы правильнее говорить не об урбанизации Сибири, но скорее о своеобразном и весьма специфическом феномене квазиурбанизации. Главная причина, порождавшая квазиурбанизацию заключалась в сталинской стратегии индустриализации, которая предусматривала сосредоточение ресурсов в промышленности. Все остальное

откладывалось «на потом», на неопределенное будущее. Отметим, что такого рода квазиурбанизация была характерна не только для Сибири, но для всей страны. Отличие в том, что в европейской части страны, как более освоенной территории, квазиурбанизация проявлялась в несколько смягченном варианте. В Сибири же, особенно в Кузбассе, она была доведена до крайних, почти абсурдных форм, что предопределялось форсированными темпами экономического роста и ускоренными процессами роста численности горожан.

Подводя некоторые итоги, определим основные черты квазиурбанизации:

1. Ускоренные темпы роста городского населения.
2. Особенно интенсивные миграции сельского населения в города.
3. Формирование резко выраженной диспропорции между численностью населения и степенью развития социальной инфраструктуры населенных пунктов.
4. Формирование сети маргинализированных поселений, в которых проживало маргинализированное население.
5. Задержка в формировании городского образа жизни, «промежуточность» между сельской и городской ментальностью.

Изменение ситуации, отказ от политики квазиурбанизации произошло только в 1950-е гг., когда в развитие городской инфраструктуры населенных пунктов Сибири стали вкладываться ресурсы.

Н.С. КОРОБЕЙНИКОВА

ФАКТОРЫ, ВЛИЯВШИЕ НА РАЗВОДИМОСТЬ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Специальных исследований, посвященных проблеме разводов и разводимости в городских поселениях Западной Сибири в годы Второй мировой войны не проводилось. Однако в работах некоторых ученых этот вопрос поднимался, были выявлены определенные закономерности. В 1991 г. В.А. Исупов, исследуя различные проблемы сибирского общества в 1930–1950-е гг., коснулся вопросов разводов и разводимости в период Второй мировой войны (*Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 1930-х–конец 1950-х). Новосибирск, 1991*). Он проследил динамику и оценил качественные показатели разводимости, такие как возраст разводящихся, время пребывания в браке, брачное состояние сибиряков на момент развода. По его оценкам, в годы Второй мировой войны количество разводов сохранялось на одном уровне, но возраст разводящихся изменился, увеличилось количество браков, которые распадались после 5–19 лет совместной жизни суп-